Моск. правда. - 1992. - 11 июл. - С.7

11/VII 92 г. Гордеев В.

Не пролив семь потов, не получишь цветов

С Вячеславом Михайловичем Гордеевым, в недавнем прошлом прославленным солистом Большого театра, а ныне художественным руководителем театра «Русский балет», мы беседуем в перерыве репетиций его творческих вечеров, которые состоятся с 19 по 21 июля в ГЦКЗ «Россия». Коллектив, которому исполнилось уже десять лет, который с неизменным успехом объездил практически весь мир, до сих пор (как, впрочем, многие его музыкальные, балетные и драматические собратья) у себя на родине не имеет крыши над головой. Отсюда и выступления его в Москве — каждый раз как бы гастроли в собственном доме. Поэтому первый мой вопрос, как жилось Гордееву и его коллективу все эти годы постоянных кочевий, бытовой неустроенности дома и триумфов по всему земному шару.

— Как мы живем? — вопросом на вопрос отвечает Вячеслав Михайлович, устало смахивая махровым полотенцем все еще струящийся по лицу репетиционный пот. — Десять лет назад Ириной Викторовной Тихомирновой был создан Ансамбль классического балета при Московской областной филармонии. Через три года ее не стало. Перед смертью она и ее муж Асаф Михайлович Мессерер попросили меня не оставить коллектив, в котором я уже успел сделать несколько вечеров. В то время я был в самом расцвете как танцовщик, но желание попробовать себя в качестве хореографа тоже было очень сильным. Долго думал и — решился. За первый же год как-то очень быстро, почти незаметно для себя поставил двадцать хореографических миниатюр. Ребята попались смышленые, податливые, музыкальные. Работать было легко. Много гастролировали по всему Союзу, побывали в таких городах, куда я, как танцовщик, никогда бы не добрался. Сначала делали концерты на моей хореографии, на сочинениях современных балетмейстеров. Потом нам стали по силам отрывки из серьезного классического репертуара Петипа, Горского, А. Мессерера. Коллектив значительно вырос, качественно изменился, хотя состав остался прежним, основой репертуара стала русская классика. И тогда пришло решение поменять название на «Русский балет». Мы вышли с этим предложением в министерство и получили согласие, а позже и звание государственного театра, ибо у нас много государственных и международных наград: «Золотой билет» за сто тысяч зрителей в ФРГ, звание «Лучший коллектив Европы», в этом году мне присвоено звание «Лучший балетмейстер», уже не говоря о всевозможных призах и первых местах, которые завоевывали наши танцовщики на различных, в том числе и международных конкурсах артистов балета. Только на недавнем Всероссийском конкурсе, который можно назвать международным, потому что в нем принимали участие исполнители из Америки, Японии, Монголии, — председателем жюри был В. Васильев, — наш коллектив был признан самым подготовленным, а все наши участники завоевали места и медали: Гран-при, первую мужскую и первую женскую премии, вторую и третью мужскую. Я получил приз Мориса Бежара за лучшую хореографию.

— Вячеслав Михайлович, мы переживаем безумно трудное время, особенно трудное для нашей культуры, посаженной на остаточный принцип. Как вы и ваш коллектив ухитряетесь жить и выживать в такой обстановке?

— Не только ухитряемся жить. Меня сейчас сделали художественным руководителем театра «Аполлон» в Кузьминках. Там будет две труппы — балетная и драматическая. С балетной все проще, я уже научился, как ее кормить благодаря зарубежным гастролям. У нас есть друзья, есть спонсоры. А государственная дотация от Комитета по культуре настолько незначительна, что является лишь небольшой помощью в нашем коммерческом деле. Поэтому думаю, что и многожанровый театр будет нам по силам. Пользуясь этим интервью, могу сказать, что если у кого-то из деловых людей возникнет желание наладить с нами контакты, мы готовы к сотрудничеству. Мы много ездим, у нас есть фильмы, печатная продукция, и для своих партнеров мы могли бы организовать хорошую рекламу. На спектакли мы не жалеем средств: делаем самые дорогие, самые лучшие костюмы, какие только можно достать у нас в стране. Это правильно, потому что артист на сцене должен не только хорошо танцевать, но и хорошо выглядеть. Чтобы соответствовать цене билета, которую платит за наш спектакль зритель.

— Кстати, сколько стоит ваш билет?

— На нашем последнем выступлении в КДС — 50 рублей. На моем творческом вечере — 120. Лично я считаю, что это очень дорого. И тем не менее мы не можем поступать иначе: плата за аренду помещения, обслугу, рекламу безумно подорожала.

— Вы сказали, что теперь получаете здание театра в Кузьминках. Но, как уже писала пресса, за него идет борьба разных коллективов.

— Борьба есть во всяком деле. И тот, кто сейчас претендует на здание в Кузьминках, наверное, тоже любит свое дело. К сожалению, борьба идет от непонимания, что изменилось время, пришли новые люди, способные на сегодня сделать больше и лучше прежнего. Когда мне на смену придет молодежь, мне тоже будет, наверное, трудно с этим примириться. Тем не менее я считаю это нормальным процессом. Меняются принципы подхода к делу и к самой жизни. Если рассчитывать только на дотацию или доброго дядюшку из комитета по культуре, ничего не получится. Надо не только создавать, но и удерживать то, что уже создано. Прекрасное здание в Кузьминках — 20-летний долгострой, в который вложено 14 миллионов. Я берусь ввести его в строй к нынешнему сентябрю. Для этого есть все возможности, если мне, конечно, не будут мешать. Для меня главное дело жизни — «Русский балет». Это мой ребенок, и я буду воспитывать его пока могу. А если умру, этот ребенок тоже долго не проживет, потому что в искусстве, как нигде, все держится на личности.

— Вы говорите, что целиком поглощены своим коллективом. Но до этого у вас был Большой театр. Что вспоминается вам из прошлой жизни прославленного танцовщика?

— То было очень радостное для меня время. Я его не забыл. Я ведь только в 89-м официально ушел из Большого, а фактически с 86-го мне там не давали работать, у меня не было спектаклей. Все было так недавно, а кажется, что от той жизни меня отделяет вечность. Невозможно забыть те чувства, те эмоции, с которыми я выходил на сцену Большого театра! Я ведь танцевал практически весь репертуар Григоровича и получал от этого удовольствие, с которым ничто невозможно сравнить. Я вспоминаю о Большом с любовью и болью. С болью потому, что не вижу там сегодня того рвения и энтузиазма, которые были у нашего поколения. Появилось очень много бизнесменов от искусства, работающих не на творчество, а на прибыль, что, естественно, отвлекает от главного.

Нужны новые люди, которые пришли бы в Большой театр и разгребли все, что накопилось там за десятилетия. В первую очередь репертуар, уже не созвучный сегодняшнему дню. Большой театр — сложный организм, со своими катакомбами, лабиринтами, из которых не каждому дано выбраться. Я не завидую тому, кто смог бы за это взяться. На это надо положить не только творческую, но, может быть, даже физическую жизнь. И все-таки это нужно делать, необходимо сделать. У меня, например, есть человек, не буду его называть, который мог бы дать на реконструкцию Большого театра до шестисот миллионов долларов. Я готов разговаривать на любом уровне с теми, кто может использовать эти деньги на пользу театра, кто возьмется за его серьезную реконструкцию.

А через несколько дней после нашей беседы в ГЦКЗ «Россия» прошли три триумфальных вечера Вячеслава Гордеева и его труппы «Русский балет», задуманных и исполненных им как репетиция своего грядущего, в будущем году, 25-летия творческой деятельности. Сам мэтр танцевал классику, а солисты его балета блеснули в десяти концертных номерах, им самим поставленных и в большинстве своем для московской публики явившихся премьерными. Были горы цветов, шквалы аплодисментов и залихватский свист зарубежной части зала как высшее выражение зрительского восторга. Наперекор дороговизне билетов, митингующим толпам и всем прочим неурядицам нашей непредсказуемой жизни.

Беседовала
Н. БАЛАШОВА.